

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Чемодан без прописки

➤ Следствие ведут духи ➤

— Книга 9 —

➤ Уютный мистический детектив ➤

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Книга 9. Следствие ведут
духи. Чемодан без прописки

<https://litres.ru/74163867>

SelfPub; 2026

Аннотация

На последней автобусной остановке Олеся находит тёмно-синий чемодан с биркой: «Саида Каримова. Не уехала». Его хозяйка числится уехавшей, но чемодан меняет место без чужой помощи. Внутри — снятая табличка дома 17, билеты и бумаги, ведущие в старый доходный дом на Мельничной.

Вера, Олеся и Настасья Петровна начинают проверку и узнают: пустые деревенские адреса используют для чужих договоров, а в городской комнате 17 спрятан архив. Он может защитить обманутых жильцов — или выдать тех, кто боится полиции не меньше мошенников.

Когда ночью Роман Устинов перекрывает служебную лестницу, времени не остаётся. Чтобы добраться до Саиды и сохранить доказательства, героям придётся найти проход, которого нет на новых планах, и понять: иногда дом помнит правду лучше людей.

Содержание

Глава 1. Чемодан у последнего автобуса	4
Глава 2. Бирка «Не уехала»	17
Глава 3. Самый зарегистрированный житель	31
Глава 4. Дом № 17, которого нет дома	46
Глава 5. Ложное дно	60
Глава 6. Городской адрес	74
Глава 7. Доходный дом с недельной памятью	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 9. Следствие ведут духи. Чемодан без прописки

Глава 1. Чемодан у последнего автобуса

Последний автобус вывернул из темноты и остановился у занесённой снегом лавки. Фары выхватили Олеся в шапке с таким помпоном, что по нему можно было встречать самолёты. Двери открылись с задержкой, и я вышла на мороз вместе с запахом мокрых валенок и бензина.

Вторым пассажиром оказался Панкрат Ильич с авоськой. В ней звякали три банки тушёнки, и он нёс их с видом человека, спасшего из города самое важное.

— Вера! — Олеся замахала рукой. — Наконец-то. Я уже думала, тебя расписание съело без сдачи.

— Меня оно только надкусило, — ответила я и стащила с плеча сумку. — Дальше водитель отбил.

— Раз жизнь победила, — сказала Олеся, — пусть она теперь объяснит, чей это багаж.

Она показала на снег у заднего колеса.

Я сначала решила, что моя сумка съехала с плеча и завела самостоятельную жизнь. Но она была при мне, а на снегу стоял чужой чемодан.

Старый, потёртый, тёмно-синий, с оббитым углом и ручкой, обмотанной изолентой. Одно колёсико ушло в снег, второе торчало криво, как после тяжёлой дороги. К ручке была привязана бумажная бирка в прозрачном кармашке.

— Не мой, — быстро сказал Панкрат Ильич. — У меня всё имущество в авоське. И то половина по акции.

— У меня его не было, — сказал водитель. — В районе открывал отсек: две сумки, мешок с комбикормом, ваша клетчатая сумка и детские санки без ребёнка. Чемодана не было.

Я присела рядом. Снег под чемоданом был аккуратно примят, будто вещь стояла тут давно. До прибытия автобуса площадка оставалась чистой, приглаженной ветром.

— Что на бирке? — спросила Олеся.

Я стёрла снег варежкой и прочитала. Буквы были напечатаны на обычной бумаге, но две последние строки вписали от руки.

Саида Каримова.

Не уехала.

Надпись не успокаивала.

— Не уехала — это сильно, — сказал водитель. — Обычно пишут город, телефон или «осторожно, стекло». А тут прямо жизненная позиция.

— Вы Саиду Каримову везли? — спросила я.

— Я сегодня вёз вас, Панкрат Ильича, две сумки, мешок, санки и одну женщину до поворота на ферму. Женщина была наша, с уткой. Саиды не было.

Панкрат Ильич прижал авоську к груди. Тушёнка жалобно звякнула.

— А вдруг там... — начал он и не договорил.

— Там найденная вещь, — раздался голос Настасьи Петровны.

Она подошла со стороны деревни так тихо, что я заметила её только у самого фонаря. Поверх дублёнки был повязан тёмный платок, в руке она несла маленький фонарь. Свет лёг на чемодан, на бирку и на наши лица. До этого случившееся ещё можно было считать дорожной нелепостью. При Настасье Петровне любая нелепость быстро превращалась в работу.

— Добрый вечер, — сказала она водителю. — Вы багаж принимали?

— Нет, Настасья Петровна. И не выдавал. Я человек автобусный, не складской.

— Пассажирка с таким именем была?

— Не было. Я бы запомнил.

— Тогда не трогаем лишнего, — сказала она и посмотрела на меня. — И не вскрываем.

Я уже успела протянуть руку к застёжкам. Пришлось убрать её с видом человека, которого поймали не за преступ-

лением, а за преждевременным любопытством.

— Я только замки хотела посмотреть.

— Смотри глазами. Руками потом. Сперва время, место, свидетели.

— Настасья Петровна, — Олеся вздохнула с восторгом, — вы сейчас так сказали, что чемодан сам должен написать объяснительную.

— Чемоданы объяснительных не пишут. За них потом люди врут. Поэтому запоминаем правильно.

Я достала телефон. Мороз сразу уменьшил заряд, но заметки открыть успел.

— Время — двадцать два часа двадцать семь минут. Место — остановка деревни Н. Предмет — чемодан тёмно-синий, потёртый, с биркой на имя Саиды Каримовой. Надпись «Не уехала». Замки закрыты.

— Стяжка есть? — спросила Настасья Петровна.

На молнии висела белая пластиковая стяжка с серым пятном у хвостика. Обычная, хозяйственная, но целая.

— Есть. Не вскрыта.

— Снег?

Я посмотрела вниз и почувствовала себя человеком, который впервые составляет акт на сугроб.

— Под чемоданом примят. Вокруг — наши следы, следы водителя, Панкрата Ильича и, кажется, Олесины.

— Олесины всегда «кажется», — сказала Олеся. — Я передвигаюсь красиво и не оставляю доказательств.

— Ты вчера ко мне приходила, я потом по твоим доказательствам до калитки песок сыпала, — ответила Настасья Петровна.

Водителю хотелось уехать и забыть про чужой багаж до ближайшей диспетчерской. Он достал ручку, но та замёрзла. В итоге он написал в путевом листе моей ручкой: она лежала во внутреннем кармане и ещё верила в жизнь.

На бирке темнела фамилия. Саида Каримова. Я пыталась представить женщину, которая оставила такую надпись сама. «Не уехала». Не «помогите», не «найдите», не «верните». Просто короткое возражение против чужой версии.

Олеся больше не шутила. Она осторожно коснулась кармашка пальцем и убрала руку.

— Я эту фамилию слышала.

— Где?

— Летом. Когда сезонники на ферму приезжали. Помнишь, я рассказывала про городское агентство? Они жильё обещали «без лишней бюрократии», а потом привезли бумаги, от которых у меня даже лак на ногтях испугался. Саида переводила разговор. Помогала людям понять, что они подписывают.

Панкрат Ильич переминался у лавки.

— Так, может, это она и прислала? Чтобы вы знали?

— Может, — сказала я. — А может, так хочет выглядеть человек, оставивший чемодан.

Настасья Петровна одобрила эту осторожность только по-

ловиной взгляда.

— До утра версии не плодим. Забираем в сени. Там холодно, замки не попортятся, и мыши не доберутся. Утром позвоним участковому и на почту сходим. Если вещь найденная, у неё путь должен быть не через догадки.

Чемодан оказался тяжелее, чем выглядел. Мы с Олесей взяли за боковые ручки, Настасья Петровна светила под ноги. Колёсики по снегу не катились, а упирались. Через несколько метров я поняла, что найденные вещи отличаются от обычных именно этим: свои несёшь с раздражением, чужие — с подозрением.

— Самый молчаливый гость праздника, — сказала Олеся, пыхтя. — Пришёл без приглашения, сразу с документами и молчит, чтобы интрига не просела.

— Гостей на снегу не оставляют, — сказала Настасья Петровна.

— Даже таких?

— Особенно таких. Обычный гость сам в дом зайдёт. Этот уже показал, что с дорогой у него отношения сложные.

Во дворе у Настасьи Петровны было светло. Из главного дома тянуло теплом, у крыльца лежала свежая дорожка от лопаты. Мой маленький домик в глубине двора стоял тёмный, но труба уже чуть дымила: Настасья Петровна протопила его к моему приезду.

В сенях пахло дровами, валенками и сушёной мятой. Мы поставили чемодан у стены. Настасья Петровна принесла ку-

сок мела и обвела ножки чемодана на старой половице.

— Это ещё зачем?

— Чтобы утром знать, двигали его или нет.

— Я думала, мы акт составляем, а не место преступления.

— Если вещь ушла от хозяина, место уже не обычное.

Олеся присела на корточки и сфотографировала чемодан.

— Сохраню у себя, но никому не отправляю. Имя Саиды пока тоже никуда?

Я кивнула. После прошлых дел Олеся изменилась без объявлений. Раньше она могла за пять минут узнать половину деревни и договориться со второй половиной о встрече у калитки. Теперь перед каждым шагом ставила паузу: можно ли, кому можно, не сделает ли её забота хуже.

— Пока только мы, водитель, Панкрат Ильич и Настасья Петровна. Утром участковый. Без рассылки.

Я достала блокнот из сумки. Телефон мог сесть окончательно, а бумага в таких случаях вела себя надёжнее. На первой чистой странице написала дату, время, место и фамилии свидетелей. Рука после дороги слушалась плохо. Слово «чемодан» получилось с наклоном, будто уже пыталось уйти со страницы.

— У деревни есть своё понимание слова «акт», — сказала Олеся, заглядывая мне через плечо. — Акт — это когда все видели, никто не понял, но ответственной назначили Веру.

— Ответственной никто никого не назначал, — сказала Настасья Петровна. — Вера записывает, потому что у неё

почерк городской. Олеся фотографирует, потому что у неё телефон лучше моего. А я не даю вам обеим сделать глупость раньше утра.

На кухне нас ждал чай, но чаепитие вышло коротким. Я пила стоя, потому что усталость после дороги тянула к постели, а любопытство вело себя наглее. Олеся молчала дольше обычного и всё поглядывала в сторону сеней. Там, за закрытой дверью, стоял чемодан с именем на ручке, и от этого обычный деревенский вечер уже не хотел быть обычным.

— Имя — ещё не человек рядом. И надпись — ещё не правда. Запомни, Вера. Сперва вещь, потом версия. Не наоборот.

Мне хотелось возразить. Фраза на бирке уже жила во мне занозой. «Не уехала». Так пишут, когда боятся, что все поверили другому слову: сбежала, бросила, виновата. Я знала, как быстро чужую жизнь можно уложить в удобный глагол.

Когда я перешла в свой домик, было уже за полночь. Настасья Петровна дала мне грелку и сказала, что если я полезу ночью «проверять на всякий случай», то наутро она составит отдельный акт о моём упрямстве. Олеся ушла через улицу к себе, а через три минуты прислала сообщение: «Дошла. Чемодан за мной не увязался. Пока».

Я легла, но сон не шёл. Мешала дорога, потом фраза на бирке, потом мысль о Саиде, которую Олеся помнила не как пропавшую женщину, а как человека, способного встать между работниками и бумагами на чужом языке.

За стеной щёлкнуло дерево. Потом послышался другой звук.

Сперва я решила, что ветка скребёт по стеклу. Но у моего окна веток не было. Звук шёл со стороны главного дома. Скребло коротко, с паузой, потом снова. Так бумажная бирка могла задевать старую половицу, если её тянуло сквозняком.

Я села на кровати и пожалела, что не легла в носках. Телефон показывал 2:43.

Я накинула куртку, сунула ноги в валенки и вышла во двор. Мороз окреп. Снег под ногами скрипел громче, чем хотелось. В главном доме свет не горел, но в сенях через маленькое окно виднелась слабая полоска от ночника.

Дверь была закрыта на крючок изнутри. Я постучала тихо, потом сильнее. Через минуту в доме послышались шаги.

— Вера? — голос Настасьи Петровны был бодрым настолько, что стало ясно: она тоже не спала.

— Там звук.

— Слышу.

Мы вошли в сени вместе. Чемодан стоял в меловом контуре. Стяжка на молнии была цела, замки закрыты, ручка повернута так же, как вечером.

Потом бирка снова скребнула по полу.

Она уже не висела на ручке. Прозрачный кармашек лежал рядом с чемоданом, но нитка по-прежнему тянулась к ручке. Сквозняка в сенях не было. Дверь за нами закрылась плотно,

маленькое окно не открывалось с осени. Кармашек медленно подтянулся на длину нитки и остановился у самой меловой линии.

— Вот теперь я хочу отвёртку, — прошептала я.

— Вот теперь ты хочешь блокнот, — сказала Настасья Петровна.

Она посветила фонарём на пол. Меловой контур не нарушился. Чемодан не сдвинулся. Двигалась только бирка. Или казалось, что двигалась. В таких делах слово «казалось» было удобной щелью, через которую страх пытался выбраться первым.

— Записывай время.

Я достала блокнот из кармана куртки.

— Два сорок семь. Бирка находилась на полу у правой стороны чемодана. Нитка целая. Движение замечено мной и Настасьей Петровной. Чемодан в пределах мелового контура.

— Хорошо. Теперь положи кармашек на крышку.

— Руками?

— Варежкой. И не открывай.

Я подняла бирку. Пластик был холодный, бумага внутри чуть влажная по краю, но надпись читалась ясно. Пока я несла кармашек, он не дёргался и не скрёб. Обычная вещь. Неприятно обычная.

Мы положили бирку на крышку чемодана и прижали сверху пустой стеклянной банкой из-под варенья. Банка выгляде-

ла слишком домашней для такой задачи, но справилась лучше многих официальных мер.

— Может, мышь? — спросила я, хотя сама не верила.

— Мышь с уважением к фамилии, — сказала Настасья Петровна. — У меня таких образованных нет.

— Тогда что?

Она помолчала.

— Пока не «что», а «куда». Бирка тянулась к двери.

Я посмотрела на пол. Если продолжить линию от чемодана через кармашек, она действительно вела к наружной двери. Дальше были двор, калитка, улица и остановка.

Спать после этого было самонадеянно, но я всё же вернулась в домик. До утра я проваливалась в короткие куски сна и каждый раз выныривала с ощущением, что по полу где-то скребёт бумага. Один раз я почти встала, чтобы проверить сени, и вспомнила обещанный акт об упрямстве.

Окончательно я поднялась ещё затемно. Небо за окном было серым, словно его забыли включить. Я быстро умылась, взяла блокнот и вышла во двор.

Настасья Петровна уже стояла на крыльце главного дома. Платок был завязан кое-как, что для неё считалось признаком сильного события.

— Он ушёл, — сказала она.

— Кто?

Она посмотрела на меня так, что вопрос сам почувствовал себя лишним.

Мы вошли в сени. Меловой контур на полу остался. Стекланная банка лежала на боку, целая. Бирки не было. Чемодана тоже не было.

На крыльце снег был почти нетронут. Наши ночные следы подмёрзли, рядом с ними отпечатались лапы дворового кота, который всегда выбирал самое неподходящее время для участия в важных делах. Следа тяжёлого чемодана не было. Никакой борозды от колёсиков, никакой полосы от боковой стенки.

— Может, дверь не заперли?

— Заперли.

— Может, Олеся решила...

— Олеся уже звонила. У неё кот опрокинул коробку с блёстками, она считает это отдельным расследованием и никуда не выходила.

Через семь минут Олеся появилась у калитки в пуховике поверх домашнего костюма и с блёсткой на щеке. Она посмотрела на пустые сени, на меловой контур, на банку и перестала трясти рукав.

— Самый молчаливый гость праздника оказался ещё и невоспитанным. Ушёл не попрощавшись.

— Не ушёл, — сказала Настасья Петровна. — Вернулся.

Мы пошли к остановке втроём. Улица была пуста, окна домов ещё не проснулись. Снег приглушал шаги, но каждый наш след оставался чётко. Я всё время смотрела под ноги, ожидая увидеть полосу от колёсиков. Её не было. Были со-

бачьи следы, вчерашняя лыжня, отпечатки валенок у соседской калитки. Чемодан не оставил ничего.

На остановке он стоял у лавки, почти на том же месте, где мы нашли его вечером. Тёмно-синий, потёртый, с оббитым углом. Бирка снова висела на ручке. Стяжка на молнии была цела.

Олеся выдохнула так, что пар закрыл ей лицо.

— Ну здравствуй, пассажир без билета.

Я подошла ближе и остановилась. Теперь рядом с чемоданом на снегу лежала старая деревянная табличка. Белая краска облупилась, один угол был отколот. Чёрные цифры ещё читались.

Дом № 17.

Настасья Петровна ничего не сказала. Она только посветила фонарём на табличку, потом на чемодан и на пустую дорогу за остановкой. Я открыла блокнот, но рука несколько секунд не двигалась. Вчера у вещи было имя без хозяйки. К утру у неё появился адрес, и этот адрес явно не собирался ждать, пока мы выспимся.

Глава 2. Бирка «Не уехала»

У остановки мы простояли дольше, чем требовалось здравому смыслу. Чемодан стоял возле лавки так спокойно, будто ночь провёл именно там, где ему и положено. Рядом лежала табличка «дом № 17», а вокруг не было следа, который объяснил бы его возвращение. Мороз щипал пальцы, Олеся тёрла ладони, Настасья Петровна светила фонарём на снег и молчала так выразительно, что мне тоже расхотелось говорить первой.

Я достала блокнот и записала время. Семь часов девятнадцать минут. Место прежнее. Чемодан найден повторно. Табличка обнаружена рядом. Стяжка целая. Замки закрыты. Бирка на ручке.

— Надо вернуть в дом, — сказала я.

— Надо, — согласилась Настасья Петровна. — Но теперь уже не в сени. Сперва сфотографируй всё как стоит.

Олеся подняла телефон.

— Сейчас сделаем чемодану портфолио. Вид спереди, вид сбоку, официальный профиль у лавочки.

— Без профиля, — сказала Настасья Петровна. — Дело и так начинается кокетничать.

Мы взялись за чемодан вдвоём. После ночного исчезновения он казался ещё тяжелее. Я всё время ждала, что внутри шевельнется бумага или замок щёлкнет сам. Ничего не

произошло. Чемодан просто упирался колёсиками в снег.

Табличку Настасья Петровна несла отдельно, завернув в старое полотенце. На обороте доски виднелись следы гвоздей и тёмная полоска.

— Это от какого дома? — спросила я.

— По памяти скажу — от пустого на Нижней улице. Но память утром после такой ночи надо проверять ногами.

В сенях главного дома мы поставили чемодан в старый меловой контур. Настасья Петровна заперла наружную дверь, потом сразу открыла.

— Нет. Так неправильно. Если будем уходить, вещь должна быть при свидетеле.

— Вы хотите взять чемодан с нами на почту? — спросила Олеся.

— Не хочу. Но если оставить, а он снова пойдёт гулять, мы будем бегать за ним до Крещения. Вещь надо провести по человеческому пути.

Через полчаса мы шли к почте. Чемодан ехал на старых колёсиках и стучал по насту. Олеся привязала к ручке красный шнур от подарочного пакета и держала конец в руке.

— Это не поводок, — предупредила она. — Это мера профилактики. Я не готова ловить его по всей деревне с криком: «Стойте, у него нет прописки».

— Не надо кричать, — сказала Настасья Петровна. — И слово «прописка» пока не произноси.

— У него на лице написано.

— У чемодана нет лица.

В этот момент бирка, висевшая обратной стороной, медленно повернулась к нам надписью. Нитка чуть скрутилась, кармашек качнулся и остановился. Ветра на улице почти не было. Я шагала последней и видела это хорошо.

Олеся уставилась на бирку, потом на меня.

— Ладно. Лицо у него временно исполняет бирка.

— Запиши, — сказала Настасья Петровна.

Я записала движение бирки и пока не стала его объяснять. Неизвестность тревожила сильнее готовой версии.

Почта помещалась в небольшом доме рядом с магазином. У крыльца стояли синие санки Валентины Игнатьевны, почтальона, начальницы отделения и знатока деревенской почты. Она как раз выметала снег с порога маленькой метлой.

— С Новым годом наступающим, — сказала она и увидела чемодан. — Это вы мне что привезли?

— Найденную вещь, — сказала я.

— Мне?

— Пока не вам. Нам надо понять порядок.

Валентина Игнатьевна посмотрела на чемодан, на красный шнур в руке Олеси и на табличку под мышкой Настасьи Петровны.

— Если вещь на поводке, порядок уже нервничает.

Олеся оживилась.

— Вот! Я говорю, мера профилактики.

— У нас чемодан появился ночью у остановки, — сказала

я. — Без пассажира. Потом стоял в сених, утром снова оказался у остановки. Рядом была табличка.

— Вера, — мягко сказала Настасья Петровна. — Сперва официальное.

Я начала сначала: время, место, водитель, свидетели, состояние замков. Валентина Игнатъевна слушала внимательно. Когда я прочитала имя на бирке, она поправила очки.

— Саида Каримова?

— Знакомо?

— Фамилия знакомая. Летом была женщина, приезжала с работниками. Не жила у нас. В магазин заходила, на почту тоже. Русский знала хорошо, но говорила не за себя. Больше за других.

— Она получала письма?

— При мне нет.

— А на дом № 17 письма приходили?

Валентина Игнатъевна снова посмотрела на табличку. Лицо у неё стало рабочим. Так люди смотрят не на тайну, а на бумажную неприятность, которую давно подозревали в плохом характере.

— Приходили, — сказала она. — Не ей одной. На несколько пустых домов приходили. Конверты одинаковые, белые, с окошком. Городское агентство отправляло.

— Какое агентство?

— В названии то ли «Домовой ключ», то ли «Ключ без хлопот». Сейчас не скажу. У меня журнал в отделении. Толь-

ко вы поймите, письма по правилам. Адрес указан, индекс наш, дом числится. Я не могу конверту сказать: «Милый, там печка холодная и хозяин умер пять лет назад, иди обратно».

Внутри чемодан пришлось оставить у двери, потому что в маленьком помещении он занимал место как четвёртый сотрудник. Олеся сняла с него шнур, но привязала конец к батарее.

— Олеся, — сказала я.

— Что? У него склонность к самостоятельным прогулкам.

Валентина Игнатьевна достала журнал.

— Вот, — сказала она. — Дом № 17. Лето. Три письма. Потом осень — ещё два. Получатели разные.

Она повернула журнал так, чтобы мы могли видеть строки, но не дала сфотографировать.

— Переписывать можно только то, что относится к вашему вопросу. Полные данные чужих людей я вам не выдам, Вера. Даже если ваш чемодан выразительно молчит.

— Правильно, — сказала Олеся неожиданно строго. — Имена нельзя таскать просто потому, что нам интересно.

Я переписала даты, отметку об агентстве и номер отправления, который Валентина Игнатьевна разрешила записать без данных получателя. На строке за август была подпись, похожая на росчерк. Рядом стояли буквы «Р. У.» или «К. У.» — неразборчиво.

— Агентство занималось жильём для сезонных работников? — спросила я.

— Говорили так. Приезжали временно, документы оформляли через город. Сельская администрация радовалась: раз люди числятся, значит, дом жилой на бумаге. Бумага у нас порой бодрее дома.

— На пустой дом письма часто приходят?

— После смерти хозяина — бывает. Но тут письма шли как по расписанию. Одинаковые. На разные фамилии. Я думала, агентство им регистрацию помогает, а людям так легче. Может, и правда легче. Я же не проверяю, где человек ночует.

Настасья Петровна посмотрела на меня поверх очков Валентины Игнатьевны, хотя очки были не её.

— Сперва сведения, Вера.

— Я молчу.

— Ты молчишь лицом.

Олеся прыснула, но тут же отвернулась к чемодану. Бирка снова была повёрнута к стене. Как только Валентина Игнатьевна назвала его потеряшкой, кармашек качнулся и медленно развернулся наружу.

— Ой, — сказала почтальон.

— Записываю, — сказала я сама, потому что спорить с реальностью при свидетелях было неудобно.

После почты мы зашли в администрацию. Там чемодан за десять минут получил столько обозначений, что обычный человек на его месте уже попросил бы отпуск. Секретарь Марина записала его как найденную вещь, потом как оставлен-

ный багаж, потом решила, что при наличии таблички «дом № 17» он может относиться к имуществу неизвестной принадлежности.

— Имущество неизвестной принадлежности — это звучит как мой декабрь, — сказала Олеся.

— У нас форма такая, — ответила Марина.

Участковому дозвонились с третьей попытки. Наконец голос в трубке сказал, что приедет после обеда, если дорогу не переметёт, а до этого ничего не вскрывать, сфотографировать, не передавать посторонним и убрать в безопасное место.

— Он у нас уже был в безопасном месте, — сказала я.

— И как? — спросил участковый.

Я посмотрела на чемодан у стены администрации. Бирка висела прямо, будто слушала разговор.

— Место оказалось недостаточно убедительным.

В трубке помолчали.

— Вера Сергеевна, это опять вы?

— Да.

— Тогда тем более не вскрывайте.

Из администрации мы вернулись к Настасье Петровне. Чемодан поставили уже не в сенях, а в кухне у дальней стены, на старую клеёнку. Настасья Петровна сказала, что если предмет так любит показывать характер, пусть делает это при людях и под лампой. Табличку положили на лавку рядом, оборотом вверх. На ней виднелись две полосы краски:

старая серая и поверх неё белая. Значит, номер действительно когда-то переставляли или перекрашивали.

Я переписала заметки в блокнот аккуратнее. Олеся сидела у стола и рылась в телефоне. Она нахмурилась, открыла старую папку с голосовыми.

— Кажется, нашла.

— Что?

— Запись с Саидой. Летняя. Я тогда помогала девочкам с фермы ногти привести в порядок перед отъездом. Саида зашла с ними. Потом был звонок от агентства, они включили громкую связь, и я случайно записала кусок. Телефон лежал у лампы, я снимала дизайн.

— Можно послушать? — спросила я.

Олеся не нажала сразу. Она положила телефон экраном вниз.

— Вера, там её голос. И голоса девочек. Я могу тебе дать, потому что это уже касается дела. Но не хочу, чтобы запись гуляла. Даже участковому — сперва кусок, где про документы, без лишних имён. Можно так?

Раньше она спросила бы это на бегу, уже пересылая файл. Сейчас ждала ответа. Я почувствовала неловкость: словно меня остановили на пороге комнаты, куда я по привычке собиралась войти без стука.

— Можно, — сказала я. — И правильно. Мы используем только то, что нужно для проверки. Без имён, если человек сам их не называл для дела.

Она включила запись. Сперва послышался шум Олесиного салона. Потом женский голос с лёгким акцентом сказал:

— Оригиналы документов не отдавайте на хранение. Никакому агентству. Копию — можно. Оригинал остаётся у вас. Если говорят, что без этого не будет комнаты, попросите написать это в договоре.

Другой голос ответил тихо, слов почти не разобрать.

Саида сказала уже твёрже:

— Не подписывайте пустой лист. И не верьте, если обещают потом вписать адрес. Потом адрес станет не вашим.

Запись оборвалась на Олесином голосе:

— Девочки, руку в лампу не суём, у нас красота, а не сварка.

Олеся выключила телефон.

— Вот. Дальше там уже про ногти и автобус.

Я молчала. Фраза «потом адрес станет не вашим» звучала слишком точно для чемодана, который за ночь принёс табличку с чужим номером.

— Саида спорила с агентством? — спросила я.

— Да. Мужчина по телефону говорил, что она мешает оформлению. Очень вежливо говорил. Так вежливо, что хотелось проверить кошелёк. Девочки называли его Романом. Или Романом Сергеевичем.

Роман. В журнале на почте подпись могла быть «Р. У.». Слишком рано для вывода, но достаточно, чтобы записать.

— Теперь у нас есть голос Саиды, — сказала я. — И её

предупреждение про документы.

— У нас есть кусок записи, — поправила Настасья Петровна. — Голос — не человек рядом. Запись — не вся история.

— Но она не похожа на человека, который собирался украсть депозиты и исчезнуть.

— Может быть. А может, человек, который много знает, сам решил ударить по агентству. Подбросить чемодан, поднять шум, спрятаться. Версия неприятная, но её надо держать рядом.

Олеся поморщилась.

— Мне эта версия не нравится.

— Мне тоже, — сказала я. — Поэтому особенно надо проверить.

Чемодан у стены тихо щёлкнул. Мы все повернулись. Замки были закрыты. Стеклянная банка, которую Настасья Петровна поставила на бирку для контроля, сползла с крышки на клеёнку и покатилась к моим ногам. Бирка поднялась на нитке и повернулась ко мне надписью.

Саида Каримова.

Не уехала.

— Он обижается на версии? — прошептала Олеся.

— Он напоминает имя, — сказала Настасья Петровна. — Больше ничего.

Бирка была в прозрачном кармашке из плотного пластика. Свежий листок внутри лежал неровно. У нижнего края

просвечивала другая бумага, старая, пожелтевшая. Я раньше приняла её за подкладку, но теперь увидела на ней синие цифры.

— Тут второй слой.

Настасья Петровна сразу остановила мою руку.

— Не рвём.

— Я и не собиралась.

— Собиралась лицом.

Олеся наклонилась ближе.

— У тебя сегодня очень разговорчивое лицо, Вера. Оно уже вскрыло половину чемодана и дало интервью.

Мы сделали фотографию, записали время и только после этого открыли пластиковый клапан. Это не считалось вскрытием чемодана, но всё равно я чувствовала себя так, будто открываю чужую дверь.

Я надела перчатки и вынула свежий листок. Под ним оказался старый багажный ярлык, сложенный пополам. Бумага была плотная, с обрезанным углом. На ней сохранились печатные строки: «Камера хранения», дальше номер — 038-17. Ниже стояло сокращение адреса. Часть букв смазалась, но читалось: «Город, ул. Мельн... дом 12, к... 17».

— Камера хранения, — сказала Олеся. — Номер семнадцать.

— В номере есть семнадцать, — поправила я и сама поняла, что поправка слабая.

Настасья Петровна разложила рядом табличку с «дом №

17». Три семнадцатых оказались на одном столе: на табличке, на багажном ярлыке и в обрывке городского адреса.

— Комната? — спросила Олеся. — Квартира?

— Может быть, корпус, — сказала я. — Или койко-место, или кладовка. Сокращение «к» ничего не доказывает.

— Конечно, — Олеся кивнула. — Просто чемодан всю ночь бегал за табличкой, а теперь показывает нам семнадцать в трёх экземплярах. Но мы люди взрослые, мы не делаем выводов, мы только слегка нервничаем в рамках закона.

Валентина Игнатьевна позвонила сама, когда мы ещё сидели над биркой.

— Вера Сергеевна, я журнал ещё раз посмотрела. В одном уведомлении по дому № 17 было сокращение городского адреса. Похоже на то, что вы спрашивали. Улица начинается на «Мельн». Полностью я по телефону чужие данные не диктую, но направление вам подтверждаю.

— Агентство то же?

— Да. И ещё. Я вспомнила название точнее: «Домовой ключ». Только не смейтесь.

Я перевела взгляд на чемодан.

— Сейчас не хочется.

— Мне тоже. У нас домовый ключ обычно под ковриком, а тут, видно, целая фирма выросла.

После звонка стало тесно даже на большой кухне Настасьи Петровны. Версия о розыгрыше умерла без церемоний. Оставалась другая, опаснее. Саида знала про агентство, пре-

дупреждала людей не отдавать документы, могла собрать доказательства и спрятать чемодан. А могла использовать чужие страхи, чтобы ударить по тем, с кем поссорилась.

— Я не хочу делать из неё виноватую, — сказала я.

— И не делай, — ответила Настасья Петровна. — Держи дверь открытой для двух правд. Саида могла помогать. Саида могла ошибиться. Саида могла защищаться так, что другим стало опасно. Пока мы не знаем, говорим осторожно.

— А если она правда не уехала? — тихо спросила Олеся.

Бирка на столе лежала свежей надписью вверх. Я смотрела на эти два слова и понимала, что они не дают главного ответа. Не уехала — не значит жива. Не уехала — не значит здесь. Не уехала — не значит хочет, чтобы её нашли громко и при всех.

— Тогда надо понять, где она осталась, — сказала я. — В доме № 17, в городском адресе или в чужой версии о ней.

Настасья Петровна собрала бумаги в чистый файл.

— До участкового чемодан не вскрываем. Бирку и ярлык фиксируем. После обеда сверяем дом № 17. А ты, Вера, позвони в город. Узнай, есть ли улица на «Мельн» и бывший дом с комнатой семнадцать.

Я набрала короткое сообщение Илье Бессонову, знакомому юристу, и всё равно стёрла половину. Потом написала проще: «Нужно проверить городской адрес, возможно связанный с агентством „Домовой ключ“ и комнатой 17. Есть имя Саида Каримова. Без огласки. Позвоню, когда смогу».

Телефон показал отправку. В кухне стало тихо.

Я посмотрела на старую бирку. Под свежей надписью проступал не только номер камеры хранения и городская улица. В смазанной строке после буквы «к» ясно виднелись две цифры — 17.

Тот же номер был на табличке, которую чемодан принёс к остановке. И если ночью он вернулся не к хозяйке, а к адресу, то теперь адрес начал делиться на два: пустой деревенский дом и городская комната, о которой мы ещё ничего не знали.

Глава 3. Самый зарегистрированный житель

В сельской администрации Марина заполняла журнал под календарём с котятами. На подоконнике стояла кружка с надписью «Не трогать, это рабочее», которой пользовались все.

Мы внесли чемодан вдвоём с Олесей. Настасья Петровна шла следом с табличкой «дом № 17», завернутой в полотенце. Получилось так, будто мы принесли в администрацию не вещь, а целую небольшую делегацию с собственным номерным фондом.

— Это опять он? — спросила Марина.

— Он, — сказала Олеся. — За утро попрос в документах.

— В документах у нас все растут. Особенно если их не туда положить.

Марина поднялась, обошла чемодан и осторожно прочитала бирку.

— Саида Каримова. Не уехала. Вера Сергеевна, вы точно не хотите дождаться участкового?

— Хотим. Но он сказал оформить хранение до приезда. И ничего не вскрывать.

— Ничего не вскрывать мы умеем лучше всего, — сказала Марина. — У нас половина шкафов так работает.

Марина разложила три бланка: «Найденная вещь», «Оставленное имущество» и «Имущество без установленного владельца». Для каждого статуса нашёлся отдельный бланк, но ни один не подходил точно.

— Выбирайте, — сказала Марина.

— А вы не знаете?

— Если бы я знала, я бы не работала с бланками. Найденная вещь — если нашли. Оставленное имущество — если оставили. Без установленного владельца — если владелец не установлен.

— У нас владелица указана, — сказала я.

— Указана не владелица, а имя на бирке. На заборе тоже иногда многое указано, но забор от этого собственником не становится.

Олеся с уважением посмотрела на Марину.

— Вот это я понимаю, муниципальная философия.

Настасья Петровна поставила табличку на свободный стул.

— Пишите как найденную вещь. Место находки известно. Свидетели есть. Замки целы.

— Хорошо, — сказала Марина. — А табличка?

— Табличка рядом лежала.

— Тогда она тоже найденная вещь?

— Она улика, — сказала я и тут же поняла, что поторопилась.

Марина медленно подняла глаза.

— Вера Сергеевна, у нас слово «улика» до участкового лучше не произносить. У нас после него бумага начинает размножаться.

— Табличка — сопутствующий предмет, — поправились я.

— Вот. Уже легче. Сопутствующий предмет у нас спокойно помещается в акт.

Марина заполнила первую строку и остановилась на графе «краткое описание». Чемодан скрипнул колёсиком, хотя не двигался.

— Пишу: чемодан тёмно-синий, потёртый, — сказала Марина. — С биркой. С целыми замками. С характером не пишу, потому что такого поля нет.

— А если добавить от руки? — спросила Олеся.

— Тогда район вернёт акт. Район не любит характер у имущества.

Пока Марина боролась с бланком, я попросила проверить дом № 17. Она открыла толстую папку с реестром домов, который выглядел так, словно пережил больше глав, чем некоторые романы. Листы были прошиты, углы потемнели, между страницами лежала засохшая травинка.

— Нижняя улица, дом семнадцать, — сказала Марина. — Есть. Жилой дом.

— Жилой? — переспросила я.

— По учёту — жилой.

— Но он пустой.

— Пустой и жилой — это не всегда противоречие для бумаги.

— Там давно никто не живёт.

Марина повернула папку ко мне, но пальцем прижала часть страницы.

— Собственник не снят с учёта как домовладелец. Дом в списке есть. Долги по воде не идут, потому что воды там нет. Электричество отключено давно. Но жилым он числится.

— То есть на него могли приходить письма, уведомления, договоры?

— Могли. Если адрес есть в системе, бумага найдёт дорогу. Живой человек иногда нет, а бумага найдёт.

Олеся подошла ближе.

— А зарегистрировать там человека можно?

Марина взглянула на Олесю, затем на Настасью Петровну. За стеной хлопнула дверь.

— Я не регистрационный орган, — сказала Марина. — Но справку о существовании адреса у нас могли брать. Запросы были.

— От кого?

— Вера Сергеевна, я не могу раздавать журнал как семечки. Но если участковый официально спросит, я покажу.

— Агентство «Домовой ключ» спрашивало?

Марина положила пальцы на край папки и ответила не сразу.

— Был запрос по нескольким адресам. Формально всё вы-

глядело законно: уточнение сведений для договора найма. Подпись была от городского представителя. Не Каримова.

— Роман?

— Фамилию не назову без запроса. Имя похоже.

Я записала: дом № 17 числится жилым; по адресу поступали запросы городского агентства. Настасья Петровна заметила мою поспешность.

— Вера.

— Что?

— Не беги впереди бумаги.

— Я записываю.

— Ты уже мысленно кого-то посадила на пустой адрес и продала его три раза.

Я закрыла блокнот резче, чем хотела.

— А если так и было? Пустой дом, письма, агентство и Саида. Совпадений много.

— Совпадений много. Доказательств пока мало. На них нельзя строить обвинение.

— Но дом числится жилым.

— Вот это доказательство. А кто и как им пользовался — ещё нет.

Марина, кажется, была благодарна Настасье Петровне за эту разницу. Она взяла второй бланк и сказала, что до приезда участкового чемодан надо поместить на временное хранение. В администрации свободного места не нашлось: шкаф с наградами занят, архив закрыт, коридор не подходит, а в

кабинете главы сельского поселения нельзя, потому что там совещание и новый ковёр.

— Есть склад, — сказала Марина. — При администрации. Там лопаты, мешки с солью и старые стулья.

— И наш чемодан, — добавила Олеся. — Наконец-то человек попадёт в коллектив.

— Чемодан — не человек.

— С таким количеством статусов он уже почти специалист.

Склад находился за зданием администрации. Ключ к нему висел в коробке с надписью «Склад», что в деревне считалось достаточной защитой от внешнего мира. Марина открыла замок. Внутри пахло холодным железом, мешковиной и старой краской. У стены стояли лопаты, в углу лежали два мешка соли, на полке скучали пластиковые таблички с номерами улиц.

Чемодан поставили у средней стены на кусок картона. Марина наклеила на ручку бумажную ленту с номером акта. Олеся смотрела на это с интересом.

— Всё. Теперь у него есть деревенская прописка на ручке.

— Это не прописка, — сказала Марина. — Это временное хранение.

— Временное хранение у нас обычно дольше постоянно-го.

— Олеся, не мешай имуществу взрослеть, — сказала я. Мы сфотографировали чемодан, номер акта, замок и таб-

личку на отдельной полке. Участковый сообщил, что задерживается, и повторил: «Не вскрывать».

— Он думает, что мы только и ждём, как бы вскрыть, — сказала Олеся.

— Он нас знает, — ответила Настасья Петровна.

Марина заперла склад. Настасья Петровна предложила проверить его через час, чтобы не обнаружить пропажу вечером.

— Через час проверим, — сказала Настасья Петровна.

— Зачем? — спросила Марина.

— Чтобы не удивляться вечером.

Марина хотела возразить, потом посмотрела на нас всех и передумала. Видимо, утро с чемоданом уже научило её уважать странные меры.

Час ожидания мы провели у Олеси. В её домашнем салоне пахло лаком и хвоей, а кот следил за нами с дивана. Олеся открыла летнюю запись и вспомнила трёх работниц: две приезжали с фермы, одна — с пилорамы. Одна из девушек спрашивала, где находится Нижняя улица, а мужчина из агентства в телефонном разговоре несколько раз повторял, что Саида «мешает процессу». Я уже начала связывать пустые дома с местным помощником агентства. Настасья Петровна остановила меня: знать, какие дома пустуют, могла половина деревни. Олеся перечислила самые обычные признаки — нечищенный снег, холодная труба, высокая трава летом. Для этого не требовался тайный сообщник.

Мы записали только проверяемое: работница спрашивала Нижнюю улицу, а Саида спорила с представителем агентства из-за документов. К версии о продаже адресов решили вернуться после осмотра дома № 17 и официального запроса участкового.

Настасья Петровна напомнила, что удобная версия особенно опасна, когда объясняет всё раньше фактов. Я закрыла блокнот и согласилась ждать проверки склада.

Через час мы вернулись к складу. Марина вышла с ключом и с таким лицом, будто заранее просила у мира не устраивать ей лишнего до обеда. Замок висел на месте. Печать на двери не ставили, но нитка, которую Настасья Петровна привязала к скобе, была цела.

— Видите? — сказала Марина. — Всё спокойно.

Она открыла дверь. У средней стены, где стоял чемодан, лежал только картон. На нём отпечатались четыре тёмных пятна от ножек. Чемодана не было.

Марина медленно опустилась на корточки.

— Я увольняюсь, — сказала она. — Прямо в акте напишу.

— Не торопись, — сказала Настасья Петровна. — Сперва ищем не мистику, а дверь.

У склада была задняя хозяйственная дверь. Обойдя здание, мы нашли возле неё чемодан.

На ручке висела новая лента из сероватой бумаги с карандашной надписью: «адрес уточнить».

Марина перекрестилась, потом смутилась и спрятала руку

в карман.

— Этого в форме нет, — сказала она.

— Зато чемодан уже требует уточнить адрес, — ответила Олеся. — Некоторым людям бы такую настойчивость.

Замки и стяжка остались целы. Лента с номером акта исчезла; новую бумажку привязали тонкой бечёвкой. Неровные буквы могли быть написаны в перчатках.

— Кто мог зайти через заднюю дверь? — спросила я.

Марина открыла дверь изнутри. Щеколда легко поддавалась.

— Её редко закрывают. Через неё мешки с солью заносим. Но мы же переднюю запирали.

— А заднюю?

Марина покраснела.

— Я думала, она изнутри на щеколде.

— Она и была? — спросила Настасья Петровна.

— Не помню.

Настасья Петровна не стала давить. Только кивнула.

— Значит, пишем: задняя дверь не проверена до помещения вещи на хранение. Чемодан обнаружен у задней двери. Новая лента.

— Но если его вынесли, следы должны быть, — сказала я.

Снег у задней двери был вытоптан: валенки, санки, следы мешков. Отдельный след чемодана определить не удалось.

— Вот теперь местная версия крепнет, — сказала я.

— Теперь крепнет только факт, что склад хранит плохо,

— ответила Настасья Петровна. — Не делай из небрежности преступление раньше времени.

Мы сняли ленту, сфотографировали и вложили в файл. Участковому сообщили о находке; он ответил: «Не трогать. Еду».

К вечеру деревня уже знала, что в администрации поселился чемодан с документами. Мы этого не объявляли, но деревня N умела складывать новости из следов на снегу, чужих шагов и выражения Маринино лица. Олеся предложила уйти к ней, потому что в её доме хотя бы можно посадить людей на стулья, а не на мешки с солью.

Мы не успели допить чай, когда в дверь постучали. На пороге стояла Нина Егоровна, соседка Олеси через два дома. Небольшая, в пуховом платке, с пакетом яблок, которые явно хранились с осени и теперь героически доживали до компота.

— Я на минутку, — сказала она. — Олеся, ты не занята?

Олеся посмотрела на стол, где лежали блокнот, фотографии бирки и бумажная лента «адрес уточнить».

— Мы заняты так, что уже поздно притворяться. Проходите.

Нина Егоровна села на край стула и сказала, что летом видела Саиду.

— Мне Валентина Игнатьевна сказала, что вы про Саиду спрашиваете. Я без лишнего. Видела её летом.

Я открыла блокнот.

— Можно записывать?

Нина Егоровна удивилась самому вопросу.

— Записывай. Только фамилию мою куда попало не носи. Мне внук говорил, сейчас любую бумагу сфотографируют, а потом ты уже участник интернета.

— Не буду. Запишу для себя и для участкового, если потребуется.

— Тогда так. Саида эта подходила ко мне возле магазина. Вежливая. Спросила, как пройти к семнадцатому дому на Нижней. Я ей сказала: там жить нельзя. Дом пустой, крыша просела у сарая, крыльцо скользкое. Она говорит: жить не надо, надо посмотреть адрес.

— Именно адрес?

— Да. Так и сказала. Мне, говорит, важно понять, существует ли адрес. Я ещё подумала: городская женщина, им адрес важнее пола под ногами.

— Она была одна?

Нина Егоровна сняла перчатки и сложила их на коленях.

— Сперва одна. Потом возле магазина её ждал мужчина в серой куртке. Не наш. Машина городская, белая. Он ей что-то говорил, она головой мотала. Не ругалась, но видно было: не согласна.

— Вы слышали слова?

— Только одно. «Оригиналы». Она сказала: «Оригиналы не берите». Или «не держите». Не помню точно. Потом они ушли к остановке. В дом она, кажется, не пошла.

— А кто мог показать агентству пустые дома?

Нина Егоровна посмотрела на меня внимательнее.

— Ты это к чему?

Настасья Петровна перестала двигать чашку. Вопрос прозвучал почти обвинением.

— Пытаюсь понять, откуда у городского агентства адреса.

— Откуда угодно. На карте посмотрели. В администрации спросили. У почтальона увидели. У нас пустой дом не иголка в стоге. Только ты, Вера Сергеевна, не начинай с того, что деревня сама людей продала. У нас всякое бывает, но не всякая дыра в заборе — чей-то умысел.

Мне стало по-рабочему стыдно: я попыталась перепрыгнуть через проверку.

— Простите. Я неправильно спросила.

— Правильно спросила бы так: кто из местных мог иметь дело с агентством и почему. Потому что одно дело — справку дать, другое — чужую беду в карман положить.

Настасья Петровна тихо хмыкнула. Видимо, ей понравилось, что мою поспешность остановили без её участия.

Нина Егоровна вспомнила ещё одну деталь. У Саиды была распечатанная карта с отмеченным домом № 17 и вопросительным знаком. Значит, она приехала проверять адрес, а не знала его заранее.

После её ухода я разложила записи: предупреждение Саиды об оригиналах, пустой жилой по реестру дом, письма агентства, табличку, старую бирку и ленту «адрес уточнить».

Все следы вели к номеру 17, но пока не образовывали одного маршрута.

— Чемодан возвращается не к Саиде, — сказала я.

— А к чему? — спросила Олеся.

— К неверному адресу. Чемодан показывает не хозяйку, а места, где адрес подменили.

Настасья Петровна кивнула, но без радости.

— Лучше. Уже не кричишь про виновных.

— Я не кричала.

— У тебя ручка кричала. Бумага терпеливая, но не слепая.

Олеся забрала у меня блокнот, посмотрела на страницу и вернула.

— Ручка действительно была возбуждена.

Я хотела ответить, но в этот момент за окном хлопнула калитка. Пришёл участковый. Он вошёл в дом Олеси в зимней куртке, с покрасневшим носом и лицом человека, который хотел обычный день, а получил чемодан с характером.

— Где предмет? — спросил он.

— В администрации, — сказала я. — Под присмотром Марины.

— Хорошо. А вы почему здесь?

Олеся подняла чашку.

— Мы под присмотром чая.

Я показала участковому фотографии, акты и записи. Он отдельно уточнил состояние задней двери и новой ленты.

— Самодетальности не надо, — сказал он. — Дом № 17

без меня не осматривать.

— Мы и не собирались, — сказала я.

Настасья Петровна посмотрела на меня так, что участковый сразу всё понял.

— Особенно вы, Вера Сергеевна.

Мы вернулись в администрацию уже в сумерках. Чемодан теперь стоял в кабинете Марины, прямо под календарём с котятами. Марина заявила, что склад больше не заслуживает доверия, а котята хотя бы смотрят в одну сторону и морально поддерживают имущество.

Участковый осмотрел чемодан, стяжку, замки, бирку и ленту. Вскрывать не разрешил: до утра хотел согласовать процедуру и пригласить понятых. Меня это раздражало, хотя я понимала, что он прав. Внутри могло быть всё, что угодно, и именно поэтому нельзя было превращать любопытство в метод.

— Оставляем здесь, — сказал он. — Дверь кабинета закрыть. Ключ у Марины. Второй у меня.

— А если он опять уйдёт? — спросила Марина.

— Тогда я напишу рапорт, который никто не захочет читать.

— И всё?

— И всё равно не вскрывать.

Мы уже собирались уходить, когда чемодан издал тихий шорох.

Шорох шёл изнутри, со стороны дна, словно по нему про-

вели сложенной бумагой. Звук повторился, и в кабинете его слышали все.

Участковый замер с ключом в руке. Марина прижала журнал к груди. Олеся медленно отступила от стола и сказала почти шёпотом:

— Если он сейчас попросит отдельную жилплощадь, я не удивлюсь.

Замки и стяжка оставались целыми. Из закрытого чемодана снова донёсся бумажный шорох.

Глава 4. Дом № 17, которого нет дома

К пустому дому № 17 мы пошли после того как участковый признал: чемодан лучше пока не трогать, а адрес надо проверить. Ночью он поставил чемодан в кабинете администрации, закрыл дверь, забрал второй ключ и оставил Марину сторожить документы силой личной обиды. Марина согласилась только после того как календарь с котятками перевесили прямо над чемоданом. По её словам, так имущество хотя бы находилось под моральным надзором.

Утром чемодан стоял на месте. Замки были целы, стяжка не порвана, бирка висела лицом к двери. Только под нижним ребром лежала бумажная пыль. Участковый сфотографировал пол и велел никому не изображать экспертов.

— До вскрытия рукой не лезем, — сказал он. — А дом посмотрите. Снаружи. Если дверь открыта, без меня внутрь не входить.

— А если она сама откроется? — спросила Олеся.

Участковый посмотрел на неё так, будто всерьёз добавил этот пункт в рабочий день.

— Тогда тоже без меня.

Нижняя улица начиналась за старым магазином и спускалась к оврагу только по названию. На деле она упрямо шла в

горку. По карте дом мог выглядеть точкой. На месте он превращался в сугроб, кривую калитку и соседского пса, который считал себя главным по земельным вопросам.

Олеся шла впереди. Ещё у калитки Настасьи Петровны она предупредила меня:

— С соседями говорю я. Имена записываю только с разрешения. У нас тут не охота на сплетни.

— Я поняла.

— Ты поняла умом. А блокнот у тебя уже чешется.

Я спрятала блокнот глубже в карман.

— Он у тебя воспитанный. Просто очень активный.

Настасья Петровна несла в сумке табличку с остановки. Старый номер надо было сверить на месте.

Дом № 17 показался за поворотом. Низкий, серый, с закрытыми ставнями. Труба была чёрной от старости, но свежего следа не было. У забора торчал столбик с двумя ржавыми гвоздями и светлым прямоугольником на доске.

— Вот он, — сказала Настасья Петровна.

— Жилой дом, — сказала я.

— По бумаге.

— А по жизни?

Она посмотрела на крыльцо, на нетронутый снег, на окно, где изнутри за стеклом висела паутина.

— По жизни хозяина не слышно.

Дом давно стоял пустым: ставни закрыты, крыльцо занесено снегом. На верхней ступеньке темнел небольшой пря-

моугольник.

Олеся первой наклонилась.

— Карточка.

— Не трогай, — одновременно сказали мы с Настасьей Петровной.

— Да я уже обученная. У меня теперь даже любопытство ходит в перчатках.

Я сфотографировала карточку. Она была из плотного картона, с дырочкой в углу. На лицевой стороне синим фло-мастером было написано: «Саида Каримова». Ниже стоял штамп: «Школьная мастерская».

— Почему школьная? — спросила я.

Настасья Петровна краем варежки перевернула карточку. На обороте были следы клея и карандашная пометка: «адресная табл. № 17». Слово «табл.» обрывалось на краю.

— Осенью ребята делали новые номера, — сказала Настасья Петровна. — Учитель труда с ними возился. Для домов, где старые дощечки сгнили.

— Но этот дом пустой.

— Пустой дом тоже стоит на улице. Почте и скорой нужен номер, если случится беда.

— А Саида тут при чём?

Настасья Петровна посмотрела на закрытую дверь. Петля для навесного замка висела пустая.

— Вот это и спросим у дома. Но входить без участкового нельзя.

Я позвонила участковому. Он выслушал про карточку, незапертую дверь и сказал, что подъедет. До его приезда решил осмотреть двор и столбик, но внутрь не заходить.

Мы обошли дом. За сараем снег проваливался глубже. На заднем окне висела газета, приклеенная изнутри. Свежих следов не было.

У столбика Настасья Петровна вынула табличку и приложила к светлому прямоугольнику. Отверстия от гвоздей совпали почти точно. Один край был отколот как раз там, где из доски торчала ржавая шляпка.

— Снята отсюда, — сказала она.

— Значит, чемодан ночью принёс номер своего адреса, — сказала Олеся. — Я против такой насыщенной личной жизни у багажа.

Я перевернула табличку. На обороте под белой краской проступала старая серая полоса, а внизу темнели два следа от прежних гвоздей. Они не совпадали с теми, что были на столбике.

— Её крепили ещё где-то. Или раньше она висела на другом доме.

— Или красили поверх старой, когда меняли номера, — сказала Настасья Петровна. — Не спеши.

Но по её лицу я поняла: ей тоже не нравится этот оборот. Табличка с несколькими следами крепления могла показать путь номера. А если номер ходил, вместе с ним могла ходить бумажная жизнь дома.

Участковый приехал на старой машине с сугробом на крыше. С ним был Панкрат Ильич: он решил лично посмотреть, как государство борется с чемоданом.

— Я понятым не буду, — сразу сказал он. — У меня тушёнка дома без присмотра.

— Вы пока просто мимо шли, — сказал участковый.

— Я на машине ехал.

— Тем более.

Дверь открылась с третьей попытки. Она хрустнула, словно лёд держал её за нижний край. Изнутри пахнуло холодной пылью. Дом давно не топили.

Участковый вошёл первым, потом разрешил нам стоять в сенях. Настасья Петровна переступила порог медленно. Олеся смотрела под ноги.

В комнате было почти пусто: стол, два стула, железная кровать без матраса. На подоконнике лежали три старых конверта с прозрачным окошком. Адресную строку участковый закрыл листком, чтобы мы не прочитали лишнего.

— Это заберу, — сказал он.

— Можно отметить отправителя? — спросила я.

Он посмотрел на конверты.

— Отправитель один. Агентство «Домовой ключ». Пока этого хватит.

Олеся подошла не к конвертам, а к печи. Дверца была закрыта, в зольнике темнел старый пепел. На полу перед печью лежали мелкие клочки бумаги.

— Тут тоже письма рвали?

Участковый поднял ключок пинцетом, посмотрел и убрал в пакет.

— Обрывок конверта.

Настасья Петровна перевела взгляд с подоконника на печь.

— Положите эти три конверта обратно на подоконник на минуту.

— Зачем?

— Проверим положение.

— Настасья Петровна, я не могу проводить обряды при осмотре.

— Это не обряд. Окно закрыто, дверь при нас. Посмотрим, как ведёт себя бумага.

Участковый хотел возразить, но после чемодана под календарём с котятами его уверенность уже дала трещину. Он положил конверты обратно, сделал фотографию и вышел с нами в сени.

Минуту ничего не происходило. Панкрат Ильич за окном переступал с ноги на ногу и делал вид, что ему неинтересно.

Олеся шепнула:

— Если конверты сейчас пойдут к печи, я официально перейду на электронные счета.

— Электронные тоже могут вернуться, — сказала я.

— Спасибо. Утешила.

В комнате тихо шуршнуло. Мы вернулись почти одновре-

менно. Два конверта лежали на подоконнике. Третий оказался на полу у печи. Не в печи, не в зольнике, а перед дверцей, углом к холодному железу.

Участковый выругался одними глазами.

— Может, сдуло? — сказал он.

— Окно закрыто, — ответила Олеся.

— Пол наклонный.

Настасья Петровна взяла со стола старый карандаш, положила его на подоконник и отпустила. Карандаш остался лежать.

— Конверту, значит, наклон помог, а карандашу нет, — сказала она.

Участковый молча сфотографировал конверт у печи и убрал все три в пакет. Я записала: «Изменение положения одного конверта при закрытом окне и отсутствии людей в комнате». Формулировка вышла осторожная, зато её можно было читать вслух без справки от домового.

На полу у печи я заметила светлую полосу на пыльных досках. Будто бумага уже не раз лежала именно здесь. Дом не говорил. Он перекладывал письма к месту, где бумагу обычно сжигают. Адрес оставался на подоконнике, а след тянулся к печи.

Когда мы вышли, Нина Егоровна уже стояла у своего забора. Олеся подошла к ней сама. Я осталась у калитки, чтобы не давить вопросами.

Они говорили недолго. Олеся слушала, кивала и ни разу

не подняла телефон.

— Запишешь? — спросила я, когда она вернулась.

— Только с её разрешения и позже. Сейчас она сказала для понимания. Саида летом не хотела заходить в этот дом. Находилась у калитки, смотрела на номер и спрашивала, есть ли здесь люди. Нина Егоровна ответила, что людей нет. Саида сказала: «Тогда этот адрес не должен быть чужим домом на бумаге». Вот эту фразу можно записать без фамилии.

Я записала. Слова Саиды легли рядом с её голосом излетней записи. Не отдавайте оригиналы. Потом адрес станет не вашим. Этот адрес не должен быть чужим домом на бумаге. Она понимала, для чего нужен пустой дом.

После осмотра участковый уехал с конвертами и карточкой из школьной мастерской. Табличку он разрешил пока оставить нам, но велел не чистить и не скрести. Она снова лежала в сумке Настасьи Петровны, завёрнутая в полотенце.

Мы пошли на почту. Валентина Игнатьевна встретила нас без удивления. Деревня уже доставила ей новость быстрее интернета.

— Были в семнадцатом? — спросила она.

— Были, — сказала Настасья Петровна. — Дом не топлён. Конверты от агентства есть.

— Я так и думала, что они там валяются. Я часть носила по уведомлениям, часть возвращалась. Если адрес есть, письмо идёт. Если человека нет, письмо ждёт. Если ждать

некого, бумага всё равно хочет отметку.

— Можно посмотреть журнал ещё раз? — спросила я.

— Только разрешённое. Остальное пусть участковый запрашивает.

Она вынесла журнал и положила так, чтобы мы видели нужную страницу. Я уже знала её манеру: ровно столько, сколько можно, и ни строчкой больше.

— Вот дом № 17, — сказала Валентина Игнатьевна. — Письма от «Домового ключа». Получатели разные. Фамилии я закрыла. Даты переписать можете. Отправитель тоже. Здесь повторное уведомление. Здесь возврат. А вот здесь интересное.

Она пододвинула журнал ближе. В строке за сентябрь рядом с отправителем была служебная пометка: «город, Мельничная, 12». Дальше шло сокращение, похожее на «бывш. дох. дом». Потом слова сливались, но одно читалось ясно: «хостел».

— Бывший доходный дом? — спросила я.

— Я сначала тоже не поняла. Потом вспомнила: в городе есть старый дом на Мельничной. Сейчас там комнаты сдают. Хостел это или ещё что, не знаю. У нас почта чужие удобства не проверяет.

— Агентство оттуда отправляло?

— Обратный адрес такой был. Мельничная, дом двенадцать. Я потому и запомнила: у нас дом семнадцать, у них Мельничная двенадцать, а в ярлыке вашем опять семнадцать

мелькало. Номер прямо липучий.

Олеся наклонилась ко мне.

— Самый зарегистрированный житель деревни всё-таки не чемодан. Это номер семнадцать. Он живёт везде.

Я переписала даты и обратный адрес. Валентина Игнатьевна закрыла журнал.

— Больше не дам. Вера Сергеевна, почта держится на том, что чужое письмо не становится общим, даже если дом пустой.

— Спасибо, — сказала я. — Это правильно.

Она смягчилась.

— Саида тоже так говорила. Не про письма, про людей. Временный человек не общий. Его нельзя всем обсуждать, потому что он в деревне не прописан.

— Вы её хорошо помните, — сказала Олеся.

— Таких помнишь. Она не шумела. Просто стояла и не давала чужой бумаге пройти как ни в чём не бывало.

По дороге к моему домику я всё время думала о слове «доходный». Оно звучало старомодно, почти музейно. Но рядом с ним стояли хостел, краткосрочная аренда и агентство «Домовой ключ». Старый городской дом оказался рабочей точкой. Если пустой деревенский адрес давал людям бумажное место, то городской дом мог давать комнату, ключ и долг, который потом превращался в повод для страха.

Мой домик во дворе Настасьи Петровны после дома № 17 казался особенно живым. В печке потрескивали дрова, на

столе лежала тетрадь, у окна висела старая занавеска. Здесь всё было моё, потому что меня ждали и замечали. В семнадцатом доме адрес был, а ожидания не было.

Мы разложили на столе бумагу. Я нарисовала остановку, от неё стрелку к дому № 17, потом к почте. Рядом записала: «Мельничная, 12», «Домовой ключ», «камера хранения 038-17», «карточка Саиды», «табличка снята с дома». Олеся принесла цветные карандаши из салона, потому что расследование не обязано выглядеть как список покупок после нервного срыва.

— Только красным не обводи всё подряд, — сказала Настасья Петровна. — А то потом сама испугаешься собственной карты.

— Красным будет чемодан.

— Чемодан синий.

— В деле он эмоционально красный, — сказала Олеся.

Я провела линию от старой бирки к городскому адресу. Потом от таблички к пустому дому. Линии пересеклись на слове «17». Получилось некрасиво, но понятно.

— Значит, деревенский дом использовали как адрес, — сказала я. — Письма приходили, люди здесь не жили. Саида это проверяла. Агентство связано с городским домом на Мельничной.

— А местный человек? — спросила Олеся.

Я помолчала. Версия всё ещё чесалась под пальцами.

— Без местного человека агентство могло не знать, какие

дома пустые.

— Могло узнать и без продажи адресов, — сказала Настасья Петровна. — Через запрос, открытые сведения, разговор у магазина. Не делай деревню виновной только потому, что адрес деревенский.

— Но карточка из школьной мастерской. Чья-то рука привязала имя Саиды к табличке.

— Чья-то рука — ещё не вся деревня.

Олеся положила рядом с картой выписку из летней записи. Она написала только разрешённый фрагмент: «Оригиналы документов не отдавайте на хранение. Пустой лист не подписывайте. Потом адрес станет не вашим».

— Я не буду пересылать запись никому, кроме участкового, если он попросит официально, — сказала она. — И то обрежу чужие голоса.

— Хорошо.

— И соседей не буду обзванивать ради красивой картины. Спрашиваем тех, кто сам видел Саиду или письма.

— Хорошо, — повторила я тише.

Меня остановили в третий раз за два дня. Не грубо, но чётко. Я привыкла думать, что факты надо собрать быстрее, пока они не исчезли. Эта история показывала другое: можно так быстро схватить правду, что вместе с ней потащишь чужие имена.

Настасья Петровна поднесла табличку к окну. Под белой краской проступал зеленоватый слой. Она не скребла, только

повернула доску к свету.

— Надо в школе спросить, кто делал новые номера.

— У учителя труда?

— У него. И у ребят, если родители разрешат. Без допроса.

Олеся записала это на отдельный листок.

— Я поговорю с матерью одного мальчишки. Она ко мне на ноги ходит. Но спрошу, можно ли эту тему трогать.

Мой телефон завибрировал. Сообщение пришло от Ильи. Он написал коротко: «Мельничная, 12 — бывший доходный дом. Сейчас смешанный формат: хостел, комнаты, краткосрочная аренда. Агентство „Домовой ключ“ могло быть связано с управлением. Проверяю аккуратно».

Я прочитала вслух. В домике стало тихо. Карта на столе уже не была деревенской. Линия от остановки через пустой дом и почту уходила в город, к старому дому, где номер 17 мог оказаться не табличкой на заборе, а дверью, ключом или комнатой.

Настасья Петровна сложила полотенце вокруг таблички.

— Значит, деревня не конец.

— Деревня дала адрес, — сказала я. — А город дал место, где этим адресом пользовались.

Олеся подвинула к карте цветной карандаш и поставила маленькую точку у Мельничной.

— Тогда наш чемодан не без прописки. Он, похоже, знает слишком много мест, где людям обещали дом.

За окном начинало темнеть. В печке спокойно потрескивали дрова, а на столе между нашими чашками лежала карта. На ней пустой дом № 17 уже был связан с бывшим доходным домом на Мельничной, хостелом и краткосрочной арендой. Чемодан оставался в администрации, Саида по-прежнему была только именем на бирке и голосом в старой записи, но маршрут перестал кружить по деревне. Он впервые уверенно вышел к городу.

Глава 5. Ложное дно

К вечеру чемодан вернули из администрации в дом Настасьи Петровны под таким присмотром, словно везли не багаж, а упрямого свидетеля. Участковый шёл первым и держал папку с актами под мышкой. Марина несла ключи и оглядывалась на чемодан, который мы с Олесей тащили по расчищенной дорожке. Панкрат Ильич вызвался быть понятым, но сразу предупредил, что если процедура затянется, он будет понимать происходящее сидя.

— У меня возраст уже не для стоячего правосудия, — сказал он, входя в сени. — И вообще, если вещь два дня ходила сама, пусть теперь сама и объясняется.

— Объясняться будут люди, — сказал участковый. — Вещи осматривают.

— Вот и посмотрим, понравится ли ей такой подход.

Настасья Петровна поставила на кухонный стол чистую клеёнку, убрала лишние чашки и велела Олесе снять с лампы праздничную мишуру. Олеся считала мишуру нейтральным участником дела, но спорить не стала. На её месте появилась яркая лампа, под которой чемодан выглядел старше, тяжелее и совсем не празднично.

Пришли ещё две свидетельницы: Валентина Игнатьевна с почты и Марина из администрации. Марина держала блокнот так крепко, будто боялась, что его тоже придётся оформ-

лять как найденную вещь. Валентина Игнатьевна принесла очки на шнурке и сказала, что почтовая совесть должна лично убедиться, что чужие письма не превратились в деревенский базар.

— Вскрываем только чемодан, — сказал участковый. — Читаем ровно то, что нужно для описи. Личные данные лишний раз вслух не произносим.

— А если личные данные сами выпадут? — спросила Олеся.

— Тогда вы отвернётесь.

— Я могу отвернуться художественно, но не обещаю, что быстро.

Участковый посмотрел на неё поверх акта.

— Олеся, ваша задача — не мешать.

— Отлично. Наконец-то официальная должность.

Мне поручили вести рабочую запись: время, присутствующие, состояние замков, стяжки и бирки. Два дня чемодан уводил нас от остановки к пустому дому, от пустого дома к почте, от почты к Мельничной улице. Теперь он стоял на столе, закрытый, и внутри могло оказаться объяснение. Или новая неприятность, что в наших делах случалось чаще.

— Стяжка целая, — сказал участковый. — Замки без следов вскрытия. Бирка на ручке.

Он разрезал пластиковую стяжку маленькими кусачками. Звук вышел короткий, почти бытовой. После всех ночных перемещений я ждала чего-то большего, но чемодан не дрог-

нул. Олеся даже слегка разочаровалась.

— И всё? — прошептала она. — Ни шороха, ни протеста?

— Не провоцируй имущество, — сказала Марина. — Оно и так у нас активное.

Молния пошла туго. Участковый провёл бегунок до угла и приподнял крышку. Все невольно наклонились. Внутри не оказалось ни страшной находки, ни обычной дорожной жизни. На дне лежала аккуратно сложенная серая кофта, поверх неё — прозрачный пакет с носками, маленькая расчёска без ручки и мягкий платок. Личных вещей было мало, словно человек собирался не жить из чемодана, а только доказать, что когда-то им пользовался.

Основное место занимали конверты. Они лежали ровными пачками, перевязанные ниткой. На каждой пачке была бумажная полоска с датой и короткой пометкой. «Билеты». «Договоры». «Счётчики». «Адреса». Почерк был аккуратным, с нажимом на последних буквах.

Олеся выдохнула.

— Вот это я понимаю отпуск. У меня в чемодане обычно шампунь течёт на платье, а тут архив с самооценкой.

— Тише, — сказал участковый. — Опись.

Он начал доставать вещи по одной. Сперва кофта, платок, расчёска. Потом конверт с билетами. Внутри лежали автобусные билеты до города и обратно. На двух билетах карандашом стояла буква «С».

— Саида? — спросила я.

— Предположение, — сказал участковый.

Я записала пометку «С» на двух билетах. Уроки Настасьи Петровны всё же действовали. Я уже не писала выводы вместо фактов.

Следующий конверт оказался с фотографиями. Участковый разложил их веером. На снимках были счётчики, дверные номера, кусок коридора с облупленной стеной, замок на металлической двери, табличка «Прачечная» и часть окна с решёткой. Несколько фото были сделаны в городе: по краю кадра виднелся номер дома — 12. На другой фотографии внизу отражалась в стекле вывеска: «Домовой ключ».

— Мельничная, — сказала Валентина Игнатьевна. — Видите кирпич? У доходного дома такой же на старых открытках был. Я в юности там у тётки останавливалась. Только тогда никакого хостела не было, а была коммуналка и вахтёрша, которая всех знала по шагам.

— Значит, городская точка подтверждается, — сказал участковый.

— Не точка, а дом, — поправила Настасья Петровна. — Точки на бумаге. Дом — это где люди ходят.

Он кивнул и отложил фотографии в отдельный файл.

В конверте с договорами оказалось больше бумаги, чем я ожидала. Листы были копиями, некоторые с пятнами от принтера, некоторые с печатями. Участковый закрывал фамилии полоской бумаги, прежде чем давать мне переписывать нужные сведения. Я видела даты, адрес, суммы и повто-

ряющуюся строку: «комната предоставляется во временное пользование». Городской адрес был один и тот же — Мельничная, дом 12. В нескольких копиях номер комнаты был закрыт исправлениями, но под ними угадывалась семнадцатая.

— Депозиты разные, — сказала я, когда увидела две соседние копии. — Условия похожие, суммы не совпадают.

— Записывай аккуратно, — сказал участковый. — Без фамилий.

Марина наклонилась к листам.

— Тут подпись переводчика.

Участковый повернул лист. Внизу, рядом с подписью арендатора, стояла строка: «Перевод содержания договора подтверждаю». Под ней — «С. Каримова». Дата относилась к августу.

Олеся быстро посмотрела на меня. Это была первая бумага, где Саида входила в дело не только голосом и биркой, а рукой.

— Она помогала им понимать договоры, — сказала Олеся.

— Или оформлять, — ответил участковый.

Слова легли тяжело. Я хотела возразить, но Настасья Петровна слегка коснулась моего локтя.

— Обе версии держим, — сказала она.

Я кивнула. Саида могла защищать других. Могла оказаться частью схемы. Могла помогать, а потом понять, что её ис-

пользуют. Чемодан не давал выбрать удобный ответ.

Когда первый слой бумаг закончился, участковый приподнял внутреннюю ткань. Она лежала ровно и была жёстче, чем должна была. По краю шёл шов, а в одном углу нитка отстала. Участковый поддел её плоской отвёрткой. Дно чуть поднялось.

— Ложное, — сказал он.

Олеся прикрыла рот ладонью.

— У него, значит, не только характер, но и архитектура.

— Не мешайте, — сказал участковый, но уже без прежней строгости.

Под ложным дном лежал пакет на молнии. Внутри был лист, сложенный вчетверо, и маленькая карточка из плотной бумаги. На карточке простым карандашом было написано: «комната 17». Без адреса, без пояснения. Только два слова и цифра.

Лист оказался схемой. Не чертёж, а скорее карта, сделанная человеком, который много ходил и проверял сам. Вверху стоял городской адрес: «Мельничная, 12». От него линиями расходились деревенские адреса. Дом № 17 в деревне N был обведён. Ниже значились ещё два дома, тоже пустующие. Один адрес был помечен вопросительным знаком. Другой — коротким словом «печь».

Настасья Петровна внимательно посмотрела на эту пометку.

— Печь — это не украшение. Если человек так написал,

значит, там что-то хранили или сжигали.

— Или боялись, что сожгут, — сказала я.

Участковый перевёл взгляд на меня.

— Пока это карта адресов. Не больше.

— Да, — сказала я. — Карта адресов.

Но внутри у меня уже складывалось: пустые дома, письма, городская комната, договоры, депозиты, документы. Дело становилось шире одного чемодана и одной Саиды. Чужие попытки доказать, что они где-то были, лежали на кухонном столе Настасьи Петровны.

Валентина Игнатьевна сняла очки.

— Знаете, что в этом плохое? Тут вещей почти нет. Носки, кофта, расчёска. А доказательств — полный чемодан. Как будто человеку надо было не жить, а всё время оправдываться.

Настасья Петровна кивнула.

— Чемодан хранит не память одной хозяйки, а чужие следы. Люди пытались доказать, что имеют место, а место было чужое и пустое.

Марина обняла свой блокнот.

— У нас дом № 17 в реестре жилой. Я же не думала, что это может вот так работать.

— Бумага редко думает за человека, — сказала Настасья Петровна. — Человек потом прячется за бумагу.

После ложного дна чемодан словно выдохся. Бирка больше не держалась на ручке. Нитка ослабла, кармашек со-

скользнул и упал прямо на раскрытый лист с городским адресом. Мы все это видели. Никто не толкнул ручку, не задел нитку. Бирка легла на слова «Мельничная, 12» и закрыла номер дома наполовину.

— Записывать? — спросила я.

Участковый потёр переносицу.

— Записывайте как падение бирки после снятия с ручки.

— Она сама снялась.

— Вера Сергеевна.

— Хорошо. «После вскрытия чемодана бирка оказалась на листе с городским адресом». Так можно?

— Так можно.

Олеся наклонилась к чемодану.

— Ну что, гражданин багаж, город вам ближе деревни?

— Олеся, — сказала Настасья Петровна.

— Я ласково. Он же теперь почти пассажир. У него документы, маршрут и тяжёлый характер. Осталось решить, нужен ли ему билет.

Эта шутка неожиданно помогла. Кухня снова стала кухней, а не комнатой, где бумага тяжелее людей. Участковый продолжил опись. Он забрал часть копий для проверки, но оставил нам заверенные фотографии тех листов, которые связывали чемодан с деревенскими адресами. Полный список людей он закрыл. Это было правильно, хотя мой внутренний следователь требовал увидеть всё.

— Полный список пока никому не нужен, — сказал участ-

ковый, словно услышал мои мысли. — Сперва проверим адреса и агентство.

— А если Саида в опасности? — спросила я.

— Тогда торопиться надо умно. Шум может навредить тем, чьи документы здесь лежат.

Олеся посмотрела на меня. В её взгляде не было укора. Только напоминание: мы уже говорили об этом.

— Мы едем в город, — сказала я.

Участковый замер с пакетом в руках.

— Кто «мы»?

— Я. Олеся. Если Настасья Петровна решит.

— Я решу сама, — сказала Настасья Петровна. — И скорее всего поеду. Городской дом надо смотреть не только глазами юриста.

— Я не юрист, — сказала я.

— Вот поэтому и позвонишь Илье.

Участковый не обрадовался, но спорить не стал. Он знал Илью Бессонова после дела с яблоневым двором и относился к нему с осторожным уважением: как к человеку, который умеет говорить с бумагами и не делает из этого цирк.

— В город поедете не для разоблачения, — сказал он. — Не надо сразу звонить знакомым журналистам.

— Я и не собиралась.

Настасья Петровна посмотрела на меня.

— Уже не собиралась, — поправилась я.

Олеся улыбнулась краем губ.

— Прогресс. Раньше Вера сперва не собиралась, потом случайно собиралась, потом писала текст на три страницы и называла это черновиком для себя.

Мы решили ехать утренним автобусом. До города было несколько часов дороги, а ночь лучше было оставить на сборы, звонки и попытку понять, где искать Саиду. Я вышла на крыльцо, чтобы позвонить Илье. Мороз взял за щёки. На дворе темнело, в окнах главного дома отражалась кухня, люди вокруг стола и раскрытый чемодан.

Илья ответил не сразу.

— Вера? Я как раз собирался тебе звонить.

— У нас вскрыли чемодан. Законно, при свидетелях. Внутри договоры, билеты, фотографии счётчиков, карта адресов. Мельничная, 12 подтверждается. Есть отдельная карточка «комната 17».

— Фотографии пришлешь?

— Только те, где нет чужих фамилий. Остальное у участкового.

— Правильно. По Мельничной: дом сложный. Сначала доходный, затем коммунальный; позже часть помещений отдали под хостел и краткосрочную аренду. «Домовой ключ» там мелькал как посредник. Официально — услуги размещения и сопровождение договоров.

— А неофициально?

— Не говорю без документов. Но если у вас есть договоры на комнату 17, это уже зацепка. Только, Вера, аккуратно. Та-

кие схемы держатся на страхе жильцов. Если поднять шум, первыми пострадают не владельцы схемы.

— Я понимаю.

— Ты правда понимаешь или сейчас стоишь на крыльце и уже мысленно спасла всех?

Я посмотрела на снег у своих валенок.

— Понимаю лучше, чем вчера.

— Уже хорошо. Пришли копии. Я посмотрю, какие запросы можно сделать без лишнего шума.

Когда я вернулась в кухню, Олеся уже писала объявление для своих клиенток. Она делала это с выражением человека, который закрывает не салон, а маленькое посольство красоты.

— Как написать прилично? — спросила она. — «Салон не работает по семейным обстоятельствам» не подходит. Семья у меня решит, что её используют. Может: «Записи переносу. Всем отвечу лично»?

— Коротко и без повода для расследования тебя.

— Отлично. Наконец-то ты понимаешь принципы конфиденциальности.

Настасья Петровна тем временем звонила соседке, чтобы договориться о хозяйстве. Она говорила спокойно и предметно: козе сено, котам миску, печь не трогать, если нет сильного мороза. Когда положила трубку, посмотрела на меня.

— В твоём домике огонь оставлять не будем. Закроешь

воду, заберёшь тетрадь и тёплые носки.

— Я думала, мы на пару дней.

— Вера, когда чемоданы ходят сами, а дома числятся там, где их нет, на пару дней не загадывают.

Марина подписала последнюю страницу описи и ушла вместе с участковым. Валентина Игнатьевна задержалась у двери.

— Вы там, в городе, Саиду если найдёте, не тащите её сразу под все глаза. Скажите сначала, что в деревне её имя не бросили.

— Скажу, — ответила я.

— И ещё. Если спросит про письма, скажите: Валентина Игнатьевна чужого не читала. Это важно.

— Скажу.

Она ушла, оставив за собой запах мороза и почтовой бумаги.

Сборы вышли нелепыми. Олеся принесла мне из своего дома дорожную косметичку, потому что, по её словам, исследование не отменяет человеческого лица. Я пыталась объяснить, что мне нужны блокнот, зарядка и документы. Она сунула в сумку крем для рук и сказала, что люди с потряскавшимися пальцами пишут слишком злые заметки.

Настасья Петровна собрала небольшой узел с едой. На мой взгляд, еды хватало на экспедицию в район без магазинов. Она сказала, что городские бутерброды не считаются пищей, если их купили у кассы вместе с батарейками.

Чемодан после вскрытия оставался в доме Настасьи Петровны до утра под замком и описью. Участковый забрал главные пакеты, но сам чемодан велел не возить в город без необходимости.

— А он не обидится? — спросила Олеся.

— Пусть попробует оформить жалобу, — ответила Марина, которая вернулась за забытым блокнотом и уже говорила с чемоданом как с трудным заявителем.

Перед сном я ещё раз села за карту в своём домике. Линии стали яснее. Остановка. Дом № 17. Почта. Чемодан. Мельничная, 12. Комната 17. Деревенские пустые дома. Рядом я положила копию одного договора, где фамилии были закрыты, а дата и номер комнаты оставались видны.

Сперва я хотела убрать лист в папку. Потом заметила то, что пропустила на кухне. В договоре на вторую неделю января значилась комната 17. Рядом лежала другая копия, выданная участковым для сверки шаблона. Та же неделя. Тот же адрес. Та же комната. Другой человек. Другая сумма депозита.

Я позвала Олесю и Настасью Петровну. Они пришли быстро: Олеся в куртке поверх домашнего костюма, Настасья Петровна с фонарём, будто мой домик мог в любой момент уйти в сторону остановки.

— Что? — спросила Олеся.

Я показала обе копии.

— Одна и та же комната сдана двум людям на одну и ту

же неделю.

Настасья Петровна положила палец рядом с датами, не касаясь бумаги.

— Вот теперь понятно, зачем чемодану было ложное дно.

— Чтобы спрятать договоры?

— Чтобы они не стали просто чужими бумагами. Это уже не один пустой адрес, Вера. Это место, которое обещали нескольким людям.

Олеся смотрела на две копии и больше не шутила. За окном скрипнул снег, где-то в главном доме хлопнула печная дверца. Я впервые за эти дни почувствовала, что чемодан привёл нас не к исчезнувшей вещи и даже не к пустому дому. Он привёл нас к комнате, в которой на бумаге помещалось больше людей, чем могло войти через одну дверь.

Глава 6. Городской адрес

Город встретил нас мокрым снегом и переполненной остановкой. После деревни давили транспорт, голоса и люди у бордюра. Лужи лежали именно там, где приедем удобнее всего промочить ноги.

Олеся вышла из автобуса с сумкой, пакетом и выражением женщины, которая закрыла салон на несколько дней, но мысленно всё ещё отвечала клиенткам.

— Если мне сейчас напишут: «А можно только один ноготь срочно?», я отвечу, что один ноготь принимает чемодан без прописки.

— Не отвечай так, — сказала я.

— Почему?

— Потому что попросят адрес.

Настасья Петровна поправила платок и посмотрела на дорогу к моей квартире.

— Сперва домой. Потом адрес.

В город мы привезли не сам чемодан, а его копию в бумагах: фотографии, заверенные листы, карту адресов и две копии договоров, где одна комната была обещана двум людям на одну неделю. Оригинальный синий чемодан остался в деревне под замком, актом и Марининым личным недоверием. Но ощущение было такое, словно он всё равно едет с нами. В моей сумке лежала его бирка, снятая участковым отдельно

и выданная для сверки городского адреса. В файле она выглядела безобидно. В руке — нет.

Квартира Сергея Николаевича, ставшая моей городской квартирой, приняла нас не сразу. Сперва заклинил замок, потом Тишка вышел в коридор и сел ровно на пути, показывая, что командировка без согласования с котом считается нарушением домашнего порядка. Настасья Петровна перешагнула через него с уважением, Олеся попыталась погладить и получила взгляд, после которого убрала руку.

— У вас городские коты как нотариусы, — сказала она.
— Сперва смотрят, потом решают, достоин ли ты печати.

— Тишка не любит сюрпризы.

— Тогда ему с нами будет трудно.

Квартира оказалась тесной для троих, двух сумок, пачки документов и Олесиной дорожной косметички, которая занимала место с уверенностью отдельного жильца. Я расчистила стол, убрала с него старые квитанции и положила карту адресов. Настасья Петровна подошла к окну и посмотрела во двор. Олеся открыла пакет с едой, который дала ей соседка, и вытащила пирожки.

— Я думала, это в дорогу, — сказала я.

— Вера, у Настасьи Петровны понятие дороги не заканчивается на автовокзале. Оно заканчивается, когда все поели и перестали принимать глупые решения.

— Правильно, — сказала Настасья Петровна, не оборачиваясь. — С голоду версии злые.

Я позвонила Илье. Он уже ждал моего звонка.

— Мельничная, двенадцать подтверждается, — сказал он.

— Дом старый, с разной историей. Официально там несколько форм проживания. Часть помещений сдают посуточно, часть занимает хостел, часть всё ещё остаётся коммунальной. Агентство «Домовой ключ» зарегистрировано по другому адресу, но этот дом использует как рабочую точку.

— Комната 17?

— По открытым сведениям в текущем плане такой комнаты нет.

Я посмотрела на две копии договоров.

— А в договорах есть.

— Поэтому вы туда идёте не спорить, а смотреть. И не называете чужие фамилии.

— Поняла.

— Вера, я слышу, как ты поняла.

— Как?

— Как человек, который уже собирается спорить.

Олеся услышала последнюю фразу и довольно кивнула.

— Илья всё знает.

— Я буду аккуратно, — сказала я.

— Возьми с собой Олеся. Она быстрее поймёт, кому там страшно, а кому выгодно выглядеть полезным.

— А Настасью Петровну?

Илья помолчал.

— Её особенно. В старых домах лишний человек с хоро-

шим вопросом иногда полезнее юриста.

Через час мы вышли к Мельничной. Я знала этот район, но раньше проходила здесь быстро. Старые дома стояли плотнее новых, подъезды смотрели на улицу тяжёлыми дверями, а вывески на первых этажах старались казаться современными поверх старой кладки. Дом 12 нашли сразу. Бывший доходный дом не прятался. Он занимал угол, держал на себе три вывески и облупленную табличку с названием улицы.

У входа висела аккуратная синяя вывеска: «Домовой ключ. Размещение. Документы. Договоры». Ниже, на стеклянной двери, были наклейки хостела, объявление о краткосрочной аренде и бумага с просьбой не оставлять вещи в проходе. Просьба выглядела беспомощно: вещи в проходе уже стояли.

— Красиво устроились, — сказала Олеся. — Дом старый, обещания свежие.

— Не начинай, — сказала Настасья Петровна.

— Я только вывеску читаю.

Дверь открылась раньше, чем я нажала кнопку звонка. На пороге появился мужчина лет сорока пяти, в тёмном пальто и с вежливой улыбкой, которая успевала поставить человека на место ещё до разговора.

— Добрый день. Вы к нам? — спросил он.

— Нам нужен представитель агентства «Домовой ключ», — сказала я.

— Тогда вам повезло. Роман Устинов. Я занимаюсь размещением и сопровождением жильцов.

Он произнёс «сопровождением» так, будто не сдавал комнаты, а переводил людей через бурную реку. Руку протянул мне, но взгляд успел пройти по Олесе, задержаться на Настасье Петровне и вернуться к моему файлу.

— Вера Сергеевна? — спросил он.

Я не успела удивиться.

— Вы меня знаете?

— Предупредили, что возможен визит из деревни. У нас всё прозрачно, но я всегда прошу сперва говорить со мной. Люди здесь временные, тревожные. Лишние вопросы им вредят.

— Кто предупредил?

— Сельские новости быстрее мессенджеров. А ещё мне звонили по поводу дома № 17. Я понял, что лучше встретить вас лично.

Настасья Петровна чуть прищурилась.

— Вы быстро понимаете.

— В нашей работе иначе нельзя. Временным людям нужна скорость. Регистрация, договор, место, спокойствие. Государство видит их медленно, а жить им надо сегодня.

Устинов отвечал готовыми формулировками, словно заранее отрепетировал разговор. В них он представлял не посредником, а спасателем.

— Мы хотим посмотреть дом и уточнить, существует ли

комната 17, — сказала я.

Улыбка осталась на месте.

— По текущей схеме такой комнаты нет.

— А раньше была?

— Старые планы сложные. Дом перестраивали. Номера менялись. В старом фонде всегда так: на бумаге одно, в жизни другое. Поэтому мы и помогаем людям не тонуть в хаосе.

— Договоры на комнату 17 тоже помогали не тонуть?

Устинов посмотрел на файл в моей руке.

— Если у вас есть документы, лучше передайте их официально. Разговор на крыльце легко превращается в слух.

— Мы не на крыльце, — сказала Олеся. — Мы у двери, где вещи в проходе уже проиграли объявлению.

Устинов впервые посмотрел на неё внимательнее.

— Вы родственница жильцов?

— Я временно родственница здравого смысла.

— Олеся, — сказала я.

— Что? — спросил он.

Настасья Петровна повернулась к двери.

— У дома запасной выход где?

Устинов едва заметно изменился лицом. Не испугался, но улыбка стала уже рабочей, без прежнего тепла.

— Вы из проверки?

— Я из деревни, — сказала Настасья Петровна. — Там тоже дома горят, если выхода нет.

— Пожарная безопасность соблюдается. Проходы обозна-

чены.

— Тогда покажете.

— Сперва давайте зарегистрируем ваш визит.

Внутри дом оказался ещё сложнее, чем снаружи. Старый широкий холл разделили перегородками. У стены стояла стойка, за ней женщина лет тридцати с уставшими глазами перекладывала ключи на доске. Над стойкой висела новая схема этажей: яркая, ламинированная, с крупными цифрами. На первом этаже значились комнаты 1–8, на втором — 9–16, дальше 18–24.

Семнадцатой не было.

Я подошла ближе. У ключницы на доске номерки тоже шли по порядку только до 16. После него висел 18. Между ними на стене темнел прямоугольник. Там явно раньше был крючок или табличка. Пыль вокруг сохранила старые края.

— У вас после шестнадцатой сразу восемнадцатая, — сказала я.

Женщина за стойкой не подняла глаз.

— Так по новой схеме.

— А прямоугольник на стене?

Она всё-таки посмотрела. Потом быстро перевела взгляд на Устинова.

— Ремонт был.

— Ремонт часто оставляет прямоугольники именно от пропавших номеров? — спросила Олеся.

Устинов мягко вмешался:

— В старом доме следов больше, чем смысла. Не стоит читать стену как документ.

Настасья Петровна подошла к доске ближе, но руками ничего не тронула.

— Стена иногда честнее документа. На ней видно, что снимали.

В холле стало тише. На лестнице сидел молодой парень с рюкзаком. Он уткнулся в телефон. У батареи женщина в пуховике держала на коленях пакет с детской курткой. Из коридора вышел мужчина с полотенцем через плечо и остановился, увидев Устинова. В доме было много движения, но оно всё время обрывалось, когда люди замечали хозяина разговора.

— Мы хотели бы пройти к месту, где раньше могла быть комната 17, — сказала я.

— Не могу пустить вас в жилую зону без оснований, — ответил Устинов. — Здесь люди, их покой и персональные данные.

— Мы не будем спрашивать данные.

— Вы уже спрашиваете номер, которого нет. Для жильцов это тревожно.

Снова разумно. Снова почти правильно. Если бы на моей карте не лежали копии договоров на одну и ту же неделю, я могла бы принять его за заботливого посредника, который устал от проверок и случайных обвинителей.

— Роман... — начала женщина за стойкой и осеклась.

Устинов повернул голову.

— Анна, оформите, пожалуйста, журнал посещений.

Анна открыла тетрадь. Руки у неё были покрасневшие от холода или воды. Она положила перед нами ручку.

— Цель визита?

Я посмотрела на строку.

— Проверка адреса.

— Частная? — спросила Анна.

— Пока да.

Устинов сразу подхватил:

— Вот видите. Частная проверка не даёт права прохода в комнаты. Я готов ответить на общие вопросы в офисе. Без давления на жильцов.

Олеся тем временем не стояла рядом со мной. Она отошла к женщине с детской курткой и говорила так тихо, что я не слышала слов. Женщина качнула головой, потом что-то ответила. Олеся не достала телефон, не полезла в сумку, не стала записывать. Просто слушала. В городе, где я вроде бы была хозяйкой маршрута, она за пять минут нашла человеческую щель в стене вежливости.

— Мы ищем Саиду Каримову, — сказала я Устинову.

Он чуть поднял брови.

— Переводчицу?

— Вы её знаете?

— Конечно. Она сотрудничала с нами. Помогала объяснять условия людям, которым трудно читать договоры.

Очень деятельная женщина. К сожалению, потом возникли недоразумения.

— Какие?

— Она решила, что может сама распоряжаться документами и деньгами жильцов. Я не хочу обвинять человека без решения суда, но часть депозитов проходила через неё. После конфликта она уехала.

Слово «уехала» резко прозвучало рядом с биркой в моём файле. Саида Каримова. Не уехала.

— Откуда вы знаете, что уехала?

— Так сказали люди.

— Какие люди?

— Вера Сергеевна, я же не называю вам чужие имена. Вы сами просите осторожности.

Он улыбнулся. Теперь его вежливость стала стеной. Не грубой, не открыто враждебной. Удобной стеной, которую трудно обвинить в том, что она стоит поперёк дороги.

Настасья Петровна смотрела на него спокойно.

— Если женщина уехала, почему её чемодан оказался в деревне?

— Не знаю. Возможно, она оставила его как давление на нас. Или как страховку. Люди в трудном положении иногда поступают резко.

— А люди в удобном положении? — спросила Олеся, возвращаясь к нам.

— Простите?

— Они резко не поступают?

Устинов не ответил. Вместо этого посмотрел на Анну.

— Пожалуйста, проводите гостей в офис. Я сейчас подойду.

Анна вышла из-за стойки. На бейдж у неё было написано только имя. Она повела нас в боковую комнату, где стоял стол, шкаф с папками и принтер. Дверь за нами осталась приоткрытой. Устинов задержался в холле, разговаривая с мужчиной с полотенцем.

— Он всё берёт на себя, — сказала я тихо.

— Так легче управлять, — ответила Настасья Петровна.

— Когда все вопросы через одного человека, остальные перестают быть свидетелями.

Анна поставила на стол три пластиковых стаканчика с водой. Делала она это аккуратно, но один стаканчик всё равно смялся в пальцах.

— Комнаты 17 нет? — спросила я.

— По новой схеме нет.

— А по старой?

Она посмотрела на открытую дверь.

— Я здесь недавно.

— Но ключница висит старая.

— Я не занималась ключницей.

Олеся села на край стула.

— Анна, мы не хотим, чтобы из-за нас людям стало хуже. Имена не записываем без согласия. Но нам надо понять, где

Саида.

Анна долго молчала. В коридоре прошли шаги. Потом хлопнула дверь.

— Саида помогала, — сказала она почти без звука. — Люди ей верили.

— А потом?

— Потом ей перестали открывать.

— Почему?

Анна снова посмотрела на дверь. Устинов ещё не вернулся, но его отсутствие всё равно было в комнате.

— Потому что всем сказали: из-за неё будут проверки. А после проверок людей выселят.

Я почувствовала, как в груди поднялось знакомое желание действовать. Позвонить Илье, участковому, собрать документы, потребовать старый план. И тут же вспомнила слова Валентины Игнатьевны: временный человек не общий. Его нельзя всем обсуждать.

— Мы не будем называть вас, — сказала я.

Анна покачала головой.

— Я ничего не говорила. Мне нельзя.

Она вышла из офиса раньше, чем вернулся Устинов. Вместо неё в дверях появился пожилой мужчина в вязаной жилетке. Он держал в руках пустой чайник.

— Вы из-за Саиды? — спросил он.

— Мы хотим понять, что с ней случилось, — сказала я.

Он хмыкнул.

— Тут все хотят понять, когда безопасно хотеть понимать.

— Вы её знали?

— Она мне договор читала. Сказала, что две строки не сходятся. Потом Устинов сказал, что она мутит воду.

Олеся поднялась.

— Можно ваше имя?

Мужчина посмотрел на коридор.

— Пока не надо. Имя потом. Сперва слушайте. Саида не сбежала. Она перестала выходить к тем, кому доверяла.

У меня в руках был файл с копиями договоров и биркой. В деревне эта бирка всё время поворачивалась лицом ко мне, повторяя имя. В городе имя прозвучало человеческим голосом, но за ним сразу встала дверь, которую пока не открывали.

Глава 7. Доходный дом с недельной памятью

В офисе «Домового ключа» пахло дешёвым кофе, бумагой и мокрой обувью. Устинов вернулся через несколько минут после того как пожилой жилец сказал про Саиду и исчез в коридоре со своим пустым чайником. В комнате после него осталось странное чувство: словно дверь открылась на секунду, показала настоящий дом и снова закрылась, пока нам вежливо объясняли схему размещения.

Устинов сел напротив меня и посмотрел так, словно собирался наводить порядок.

— Прошу прощения. Временное размещение всегда требует внимания.

— Особенно если одной комнаты на плане нет, — сказала я.

— Комната 17 не используется. На новой схеме её нет.

— А на старой?

— Старые схемы вводят людей в заблуждение. Мы работаем по текущему плану.

Настасья Петровна сидела у стены и смотрела не на Устинова, а на дверь. Она отмечала, кого впускают без вопросов, кого останавливают у стойки, кто сам не решается пройти дальше.

Олеся за это время успела сделать больше, чем я с файлом документов. Она вышла в холл и теперь стояла у батареи рядом с женщиной в пуховике. Не записывала, не снимала, не наклонялась близко. Просто слушала, и женщина постепенно перестала прижимать к себе пакет с детской курткой.

— Мы хотим поговорить с жильцами, которые знали Саиду, — сказала я.

— Без моего участия это нежелательно.

— Почему?

— Люди боятся проверок. Здесь многие приехали работать, лечиться, переждать семейные обстоятельства. Если их начать расспрашивать, они решат, что завтра окажутся на улице.

— Тогда пусть сами решают, говорить или нет.

Устинов чуть наклонил голову.

— Вы говорите правильно. Но в реальности люди не всегда понимают последствия. Саида тоже не понимала.

— Что именно она не понимала?

— Что нельзя обещать помощь, если не контролируешь процесс. Она брала депозиты у жильцов, уверяла, что решит вопросы с документами, а потом исчезла. Мы разгребали последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.